

COGNITIVE ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF THE ARABIC GRAMMATICAL TRADITION DURING THE NAHḌA

Muxlisabonu Turgunovna Ishanxanova

PhD in Philology

*Lecturer, Department of Arabic Language and Literature, Al-Azhar
International Islamic Academy of Uzbekistan*

Tashkent, Uzbekistan

ishankhanovamuxlisabona@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-0221-0556>

<https://doi.org/10.36078/1789029102>

Abstract. This article examines the transformation of the principles of organizing grammatical knowledge in the Arabic linguistic tradition during the *Nahḍa* (Arab Renaissance) period. Drawing on cognitive linguistics, the study analyzes the works of key 19th-century scholars, including *Nāṣif al-Yāziǧī*, *Rifāʿa al-Ṭaḥṭāwī*, *Buṭrus al-Bustānī*, and the authors of the educational grammar *Qawāʿid al-luǧa al-ʿarabiyya*. The analysis demonstrates that the modernization of Arabic grammar did not reject the classical heritage, but rather adapted it to contemporary educational needs. The paper highlights a fundamental shift from linear textual descriptions to spatial and visual representations of grammatical structures through the use of tables, paradigm classifications (such as *ṭulāṭī*, *rubāʿī*, *ḥumāsī*, and *sudāsī* verb forms), and pedagogical simplifications. These innovations can be understood as reducing cognitive load, enabling learners to build mental schemas of Arabic derivation (*ism al-marra*, *ism al-nawʿ*) and syntax more efficiently. Furthermore, the study explores the evolution of didactic terminology, conceptual categorization, and the applicability of prototype theory to grammatical categories, such as the *laysa* category within 19th-century grammatical treatises. By applying cognitive frameworks, the research reveals that *Nahḍa* scholars intuitively employed strategies such as structural alignment, pragmatic optimization, and spatial visualization that were only formalized in modern cognitive science much later. Ultimately, the article concludes that the *Nahḍa* period represented a qualitative leap in linguistic representation, establishing a new framework for organizing and transmitting grammatical knowledge in Arabic pedagogy.

Keywords: Arabic grammatical tradition; *Nahḍa*; cognitive linguistics; Arabic grammar; terminology.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АРАБСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ НАҲДА

Мухлисабону Тургуновна Ишанханова

Доктор философии по филологическим наукам (PhD)

Преподаватель кафедры арабского языка и литературы «аль-Азхар»

Международная исламская академия Узбекистана

Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию трансформации принципов организации и репрезентации грамматического знания в арабской лингвистической традиции эпохи *Nahḍa* (Арабского Возрождения). С позиций когнитивной лингвистики анализируются труды ключевых филологов XIX века: *Nāṣīf al-Yāziǧī*, *Rifāʿa al-Taḥṭāwī*, *Buṭrus al-Bustānī*, а также авторов школьного учебника «*Qawāʿid al-luġa al-ʿarabiyya*». В работе показано, что модернизация арабской грамматики не сопровождалась отказом от классического наследия, а представляла собой его адаптацию к новым дидактическим задачам. Особое внимание уделено переходу от традиционного линейного описания к пространственно-визуальному кодированию знаний через внедрение табличных форм, классификацию глагольных пород по количеству букв (*tulātī*, *rubāʿī*, *ḥumāsī*, *sudāsī*) и структурирование местоименных систем (*al-ḍamāʾir al-muṣṭaraka*). Установлено, что эти инновации существенно снижали когнитивную нагрузку на память обучающихся и способствовали оперативному формированию устойчивых ментальных схем арабской деривации (*ism al-marra*, *ism al-nawʿ*). Анализируется развитие дидактической терминологии (*munawwan*, *mukabbar*, *mansūb*), применение принципов категоризации, прототипичности (группа *laysa*) и прагматической оптимизации. Применение когнитивного подхода позволило доказать, что грамматисты эпохи *Nahḍa* интуитивно реализовали механизмы организации знания, получившие теоретическое обоснование лишь в современной науке. В заключении делается вывод, что деятельность реформаторов XIX века сформировала принципиально новую модель систематизации и передачи языкового знания.

Ключевые слова: арабская грамматическая традиция; *Nahḍa*; когнитивная лингвистика; арабская грамматика; терминология.

Введение

Вопрос о структурировании и способах представления грамматического знания занимает центральное место в истории арабской филологической традиции. Начиная с классического периода, грамматисты стремились к строгой систематизации языкового материала, опираясь на логико-философские категории и

онтологический анализ языковых сущностей. Однако усложнённость традиционного метаязыка, абстрактность понятийного аппарата и жесткая иерархичность классических описаний со временем стали вступать в противоречие с практическими задачами массового обучения.

Эпоха Арабского Возрождения (Nahḍa) XIX века ознаменовала собой фундаментальный перелом в развитии арабской лингвистической мысли. В условиях культурного подъема, развития книгопечатания и расширения институционального образования перед филологами эпохи Nahḍa встала острая необходимость модернизации и упрощения традиционного грамматического канона. Долгое время в историографии арабского языкознания эти преобразования воспринимались лишь как методическое «упрощение» или учебная компиляция. Однако современная лингвистическая парадигма позволяет переосмыслить опыт реформаторов XIX века под принципиально иным углом — как проявление глубоких интуиций в области когнитивной организации лингвистического знания.

Трансформация принципов организации грамматического знания в эпоху Nahḍa

Насиф Йазиджи (1800–1871), автор трактата “Faṣl al-xiṭāb fī ‘uṣūl luġat al-a‘rāb” («Конкретное разъяснение основ арабского языка», далее — «Faṣl al-xiṭāb») [Lāra ‘Abbūd, 2020], наряду с Бутрусом аль-Бустани (1819–1883), является пионером в представлении производных глагольных форм в табличном формате, что стало важным нововведением в описании и систематизации арабской грамматики. Он также подробно рассматривает масдар производных глаголов, а его интерпретация форм *ism al-marra* и *ism al-naw’* представлена в наглядной табличной форме, способствующей более структурированному изложению грамматического материала [Nāṣīf al-Yāziġī, 1866: 35].

Внедрение Насифом Йазиджи табличного формата для классификации глагольных форм и имен представляет собой переход к визуально-пространственному кодированию грамматических знаний. С позиции когнитивной лингвистики, таблицы заменяют сложную текстовую дешифровку мгновенным распознаванием паттернов, что значительно снижает когнитивную нагрузку на память. Представление таких категорий, как *‘ism al-marra* и *‘ism al-naw’*, в структурированном виде позволяет мозгу быстрее сформировать устойчивые ментальные схемы арабской деривации. Таким образом, Йазиджи превратил абстрактную морфологическую систему в

наглядную когнитивную модель, где логические связи между формами выражены через их пространственное соположение, что сделало процесс усвоения языка более естественным и эффективным [Tomasello, 2003: 235–239].

Еще один яркий представитель Арабского Возрождения Рифа аль-Тахтави в своем труде «*al-Tuḥfa al-maktabiyya li taqrīb al-luġa al-‘arabiyya*» («Настольная книга для сближения с арабским языком», далее — «*al-Tuḥfa*») в рамках грамматической категории глаголов, известных как «*kāna*» предложил выделить отдельную подгруппу, которую он назвал «*laysa*». В эту группу он включил следующие глаголы: *āda*, *raga‘a*, *‘āda*, *iṣṭahāla*, *ka‘ada*, *ḥāra*, *irtadda*, *tahawwala*; аль-Тахтави фактически формирует радиальную категорию с прототипом *laysa* как маркером отрицательной или разрывной экзистенциальной оценки. Несмотря на то что позднейшие грамматисты ассимилировали эти глаголы с уже существующими классами, его решение демонстрирует когнитивный механизм «семейного сходства»: элементы группы не тождественны по грамматическим свойствам, но сближаются на основе общей концептуальной схемы изменения состояния, утраты или перехода. В этом смысле данное предложение можно трактовать как проявление когнитивного подхода *avant la lettre*, где классификация опирается на смысловые кластеры и ментальные модели говорящего, а не на жёстко заданную таксономию традиционной грамматики¹. Эта классификация, однако, не является общепринятой, поскольку ряд других грамматистов не рассматривали данную группу как самостоятельную, а ассимилировали ее с уже существующими категориями. Таким образом, данное предложение представляет собой авторскую интерпретацию и расширение традиционной классификации.

Изложение материала у Рифа аль-Тахтави характеризуется отсутствием строгой последовательности: он нередко переходит от одной темы к другой, объединяя в одном фрагменте различные аспекты, что в свою очередь вызывает трудности в чтении текста. Так, говоря об именах, он делит их на явные (*dāhir*), скрытые (*muḍmar*) и неопределённые (*mubham*), следуя классификации Абу аль-Асвада аль-Дували (603–688). Однако, разъясняя местоимение, изначально он не разделял его на слитные и разделительные, приводит не расчленяя, лишь чуть позже он рассматривает их в таблице отдельно:

Что касается скрытого имени (muḍmar), оно также называется местоимением. Это то, что обозначает явное

¹ Более подробно об этом см.: [Langacker 1987], [Langacker 1991]

имя (существительное). Его форма для единственного числа мужского рода — «'anta» (ты) и «ta» в слове «ḍarabtu» (я ударил) и «ḍarabta» (ты ударил их) и «kāf» в «ḍarabtuka» (я ударил тебя) и «'iyūāka» (тебя) в твоём высказывании «tā ḍarabta 'iyūāka» (я не ударил тебя). Все это — местоимения для единственного числа мужского рода [al-Taḥṭāwī, 1869: 10].

К примеру, у Ибн Фархата мы видим несколько иное объяснение местоимений:

[...] оно (т.е. местоимение) делится на две группы (قسمان) слитное (المتصل) и разделительные (المنفصل). Слитные местоимения — это те местоимения, с которыми не начинаются предложения, и они не используются после *ʔ*!. Разделительные местоимения — это те местоимения, с которыми начинаются предложения, и они используются после *ʔ*! [Ibn Farhāt: 15^b].

Тем не менее, в отдельных случаях прослеживается более плавный переход между темами. Например: «Так как управляющих флексии четыре: *rafʿ*, *naṣb*, *xifḍ*, *ḡazm*, то и категорий управляемых слов также четыре: *marfuʿāt*, *manṣūbāt*, *maxḍūdāt*, *maḡzūmāt*» [al-Taḥṭāwī, 1869: 31].

В терминах когнитивной лингвистики это можно интерпретировать как приоритет экзemplарно-ориентированного освоения языка над иерархической классификацией: сначала усваивается сеть языковых форм и их функциональных связей, а затем — абстрактные категории. Для сравнения, у Ибн Фархата мы видим более «классическую» модель с чётким бинарным делением местоимений на слитные и разделительные, где категория задаётся через формальные синтаксические критерии («Baḥṭ al-maṭālib»). При этом у аль-Тахтави иногда проявляется и противоположная тенденция — плавные переходы, основанные на симметрии и аналогии (четыре вида управления → четыре класса управляемых слов), что соответствует когнитивному принципу структурного выравнивания. В целом текст демонстрирует сосуществование двух режимов организации знания: ассоциативно-примерного и схемно-категориального, что одновременно облегчает первичное усвоение материала и усложняет линейное чтение².

Любопытно, что при изложении темы имени он ограничился лишь делением имён на оканчивающиеся на *'alif maqṣūra* и на слабую букву

² Более подробно об этом см.: [Evans & Green, 2006].

(*nāqis*), вскользь упомянул двойственное число, формы множественного числа и определённое состояние слова. Иными словами, значительная часть необходимого материала просто не была им затронута [al-Taḥṭāwī, 1869: 5–9]. Даже объём страниц подтверждает этот факт. Все это можно рассматривать с точки зрения когнитивного принципа прагматической оптимизации. Здесь предлагается концентрироваться на наиболее часто встречающихся и функционально значимых категориях, что снижает когнитивную нагрузку и ускоряет усвоение структуры языка.

Избирательность Ибрахима Йазиджи в изложении тем (акцент на именах со слабой корневой и краткость в вопросах числа и определенности) представляет собой стратегию когнитивной фильтрации. С позиции прагматической оптимизации, автор выносит на первый план «проблемные зоны» морфологии, которые требуют активного осознанного контроля, оставляя регулярные и интуитивно понятные категории на периферии внимания. Такой подход минимизирует информационную избыточность грамматического труда, позволяя сформировать устойчивое ядро грамматической системы без перегрузки рабочей памяти второстепенными деталями. Это превращает грамматику из полного справочника в эффективный алгоритм действий, где объём информации строго соответствует ее функциональной значимости в процессе коммуникации [Tomasello, 2003: 174–176].

Когнитивные механизмы модернизации арабской грамматики в трудах Бутруса аль-Бустани

Другой яркий представитель Арабского Возрождения Бутрус аль-Бустани в предисловии к своей книге «*Miftāḥ al-miṣbāḥ fī al-ṣarf wa al-naḥw*» («Ключ к светильнику по морфологическим и синтаксическим вопросам», далее — «*Miftāḥ al-miṣbāḥ*») представляет свою работу как краткое и ясное изложение по морфологии и синтаксису арабского языка. Он подчеркивает, что стремился сделать материал доступным и легким, избегая как излишней детализации, так и чрезмерного сокращения. Автор выражает скромность, признавая, что, возможно, не в полной мере достиг своей цели, и надеется, что его труд окажется полезным для изучающих арабский язык.

Аль-Бустани указывает, что это второе издание, улучшенное и дополненное. Цель книги заключается в содействии изучению и возвышению арабского языка, особенно в современную эпоху, когда, по мнению автора, арабский мир активно развивается в областях науки, искусства и технологий, стремясь к прогрессу. Таким образом, Бутрус демонстрирует стремление адаптировать грамматический

материал к современным требованиям и уровню развития общества. Автор акцентирует внимание на том, что в данных условиях первоочередной задачей является максимальное упрощение методов и средств освоения материала с тем, чтобы обучающиеся могли эффективно усваивать содержание и достигать целей в сжатые сроки и без излишних затруднений [Buṭrus al-Bustānī, 1890: 3–5].

Анализ текстов Бутруса аль-Бустани выявляет прямую преемственность в его изложении от Ибн Фархата. Определение морфологии, данное аль-Бустани (*наука, посредством которой познаются структуры слов, не касающиеся (не зависящие от) синтаксического надежа (i' rāb)*). Ее предмет — производный глагол и изменяемое имя), почти полностью совпадает с формулировкой Ибн Фархата [Buṭrus al-Bustānī, 1890: 3–5]. Более того, тезис о том, что *морфология (ṣarf) предшествует синтаксису (naḥw)* [Бутрус аль-Бустани, 1890: 6], является точным повторением высказывания Ибн Фархата [Ibn Farhāt: 10^a]. Это свидетельствует о том, что аль-Бустани воспроизводит и продолжает традицию Ибн Фархата в своём грамматическом трактате.

Тем не менее, в отличие от Ибн Фархата, который указывал точное количество букв арабского алфавита (28), Бутрус аль-Бустани в разделе, посвященном алфавиту, отходит от простого перечисления, хотя также отмечает это же число букв [Buṭrus al-Bustānī, 1862: 3–4]. Его подход ориентирован на функциональное и фонетическое осмысление арабской графической системы.

Вместо механического подсчёта букв, аль-Бустани сосредоточивается на следующих ключевых аспектах:

1. Природа букв. Он определяет буквы как звуки, формируемые посредством артикуляционного аппарата (горло, язык, губы). Этот акцент на фонетической природе букв фундаментален для понимания их роли в языке.
2. Классификация букв. Аль-Бустани делит буквы на «правильные» и «слабые». Такая классификация является краеугольным камнем арабской морфологии и фонетики, поскольку «слабые» буквы (буквы долготы и гласные) играют особую роль в словообразовании и изменениях корней.
3. Идентификация «слабых» букв. Он чётко называет эти буквы — wāw (و), 'alif (ا), yā' (ي) — и обобщает их под термином «слабые буквы» (*ḥurūf al-'illa*). Это позволяет изучающим сразу выделить особую категорию букв, требующих внимания.

4. Классификация хамзы. Аль-Бустани выделяет два типа хамзы: *hamza al-waṣl* и *hamza al-qaṭ'*. Он не только объясняет их произношение в зависимости от позиции в слове или фразе, но и обещает дальнейшее углублённое объяснение. Такой подход предполагает поэтапное освоение материала [Buṭrus al-Bustānī, 1890: 3–4].

Такой подход характерен для грамматических работ, которые стремятся сначала дать качественные характеристики и классификации, а не просто перечислить элементы. Это позволяет изучающим понять фонетические и морфологические особенности букв, что является более важным для изучения грамматики, чем простое числовое значение.

Бутрус аль-Бустани, подобно Фарису аль-Шидйаку [Aḥmad Fāris al-Šidyāq: 6], детально описывает систему классификации арабских глаголов по количеству букв, основанную на их производных формах. Он раскрывает механизмы расширения корневой структуры глаголов путём добавления аффиксов и объясняет семантические функции таких морфологических изменений. Аль-Бустани выделяет следующие категории глаголов, исходя из их морфологического строения:

— Трёхбуквенный глагол (*ṭulāṭiy*): является базовой формой, к которой могут быть добавлены:

- Одна буква: формирует четырёхбуквенный (*rubā'iy*) глагол.
- Две буквы: преобразует глагол в пятибуквенный (*xumāsiy*).
- Три буквы: образует шестибуквенный (*sudāsiy*) глагол.

— Четырёхбуквенный глагол (*rubā'iy*): эта форма также может быть расширена путём добавления:

- Одной буквы: создаёт пятибуквенный (*xumāsiy*) глагол.
- Двух букв: приводит к образованию шестибуквенного (*sudāsiy*) глагола [Buṭrus al-Bustānī, 1862: 5–6].

До Бутруса аль-Бустани и Фариса аль-Шидйака термины «пятибуквенный» и «шестибуквенный» для обозначения глаголов в арабской грамматике не использовались в качестве устоявшейся, эксплицитной номенклатуры. Традиционная арабская морфология, основывающаяся на корневой системе, описывала глаголы через их «формы» (*'awzān*), то есть морфологические модели или схемы, которые указывали на способ образования производных форм.

Например, вместо «пятибуквенный глагол», грамматисты говорили бы о производных породах (*mazīd*) в форме «*'ifta 'ala*» или «*'infa'ala*» и так далее. Эти веса подразумевали определённое количество букв в производной форме, но это не было прямой классификации самих глаголов по числу их букв.

Следует отметить, что термины *xumāsīy* и *sudāsīy* также зафиксированы в сочинении оманского грамматиста Саида бин Халфана аль-Халили — «*al-Taysīr fī ṣay' min al-ṣarf al-yaṣīr*» («Упрощенное изложение некоторых аспектов морфологии») [Sa'īd bin Xalafān al-Xalīlī: 57–62]. Однако отсутствие точной даты составления как указанного труда, так и «*Miftāḥ al-miṣbāḥ*» не позволяет с достоверностью установить, кто первым ввёл данные термины в научный оборот.

Тем не менее мы предполагаем, что именно Бутрус аль-Бустани является их автором и первым, кто ввёл их в широкое употребление в филологическом контексте. Основанием для такого предположения служит тот факт, что «*Miftāḥ al-miṣbāḥ*» был опубликован в 1862 году, в то время как самая ранняя из известных на сегодняшний день переписанных копий рукописи «*al-taysīr fī ṣay' min al-ṣarf al-yaṣīr*» датирована 27 сафаром 1281 г. х., что соответствует апрелю 1865 г. н. э. [Sa'īd bin Xalafān al-Xalīlī: 150].

Таким образом, введение Бутрусом аль-Бустани терминов «пятибуквенный» и «шестибуквенный» для прямого обозначения глаголов представляет собой значительное новшество в арабской грамматической терминологии. Это свидетельствует о:

- систематизации и упрощении: прямое указание на количество букв делает классификацию интуитивно более понятной и, вероятно, облегчает процесс усвоения материала, что согласуется с его методическим подходом к организации языкового описания;
- методологическом развитии: это шаг от описания через «формы» к более эксплицитной, числовой классификации, что является показателем развития аналитической методологии;
- влиянии на последующую традицию: внедрение такой терминологии, вероятно, оказало влияние на последующие грамматические труды, способствуя стандартизации и упрощению морфологического описания.

Эта инновация подчёркивает не только способность аль-Бустани к систематизации, но и его стремление к модернизации грамматического аппарата для повышения ясности и доступности

изложения. Он не просто описывал явления, но и активно формировал язык грамматического описания, что отличает его вклад в науку.

Аль-Бустани, опираясь на методологическую основу, заложенную Ибн Фархатом, разрабатывает собственную систему изложения арабской грамматики. При этом он не просто следовал Ибн Фархату, но и внес существенные коррективы, отказавшись от некоторых теоретических построений, в частности, от концепции «большого» и «маленького» именного предложения. Между тем он вносит существенные инновации, представляя грамматические парадигмы в виде таблиц, что визуализирует материал и облегчает его усвоение. Такой подход, особенно ярко выраженный в представлении спряжения глаголов и местоимений, становится отличительной чертой его грамматического трактата.

Таблица 1

Таблица производных пород удвоенных глаголов [Buṭrus al-Bustānī 1862: 9–10].

№	الماضي	المضارع	الأمر	المصدر	اسم الفاعل	اسم المفعول
1.	أَمَدَّ	يُمَدُّ	أَمَدَّ، أَمِّدْ	إِمْدَادٌ	مُمِدٌّ	مُمَدٌّ
2.	مَدَدَ	يُمَدِّدُ	مَدِّدْ	تَمْدِيدٌ	مُمَدِّدٌ	مُمَدَّدٌ
3.	مَادَّ	يُمَادُّ	مَادَّ، مَادِّ	مُمَادَّةٌ	مُمَادٌّ	مُمَادٌّ
4.	تَمَدَّدَ	يَتَمَدَّدُ	تَمَدَّدْ	تَمَدُّدٌ	مُتَمَدِّدٌ	مُتَمَدَّدٌ
5.	تَمَادَّ	يَتَمَادُّ	تَمَادَّ، تَمَادِّ	تَمَادٌّ	مُتَمَادٌّ	مُتَمَادٌّ
6.	إِنْمَدَّ	يُنْمَدُّ	إِنْمَدَّ، إِنْمَدِّ	إِنْمِدَادٌ	مُنْمَدٌّ	مُنْمَدٌّ
7.	إِمْتَدَّ	يَمْتَدُّ	إِمْتَدَّ، إِمْتَدِّ	إِمْتِدَادٌ	مِمْتَدٌّ	مِمْتَدٌّ
8.	إِسْتَمَدَّ	يَسْتَمَدُّ	إِسْتَمَدَّ، إِسْتَمَدِّ	إِسْتِمْدَادٌ	مُسْتَمَدٌّ	مُسْتَمَدٌّ

Следует отметить, что европейские [Wright, 1869: 299–318], российские [Гранде, 2001: 515–544] и узбекские [Ибрагимов & Юсупов, 1998] авторы в дальнейшем заимствуют эти таблицы в своих работах.

Новаторством аль-Бустани также является дополнение главы о спряжении глаголов и спряжении деепричастий действительного и страдательного залогов с прямыми дополнениями (я побил его; я бью его, бей его; бьющий его; избитый), выраженными слитными местоимениями, которых автор именует *al-ḍamā'ir al-muštāraka* (общие местоимения), вместо *al-ḍamā'ir al-muttaṣila* (слитные местоимения) и приводит их в таблице [Buṭrus al-Bustānī, 1854: 37–39]:

Таблица 2

Спряжение глаголов и деепричастий со слитными местоимениями

الغائب	الماضي	المضارع	الأمر	اسم الفاعل	اسم المفعول
الغائب	ضَرَبَهُ	يَضْرِبُهُ		ضَارِبُهُ	مَضْرُوبُهُ
الغائبة	ضَرَبَتْهُ	تَضْرِبُهُ		ضَارِبَتُهُ	مَضْرُوبَتُهُ
الغائبان	ضَرَبَا	يَضْرِبَانِ		ضَارِبَاهُ	مَضْرُوبَاهُ
الغائبتان	ضَرَبَتْهُمَا	تَضْرِبَانِ		ضَارِبَتَاهُ	مَضْرُوبَتَاهُ
الغائبون	ضَرَبُوهُ	يَضْرِبُونَهُ		ضَارِبُوهُ	مَضْرُوبُوهُ
الغائبات	ضَرَبْنَهُ	يَضْرِبْنَهُ		ضَارِبَاتُهُ	مَضْرُوبَاتُهُ
المخاطب	ضَرَبْتَهُ	تَضْرِبُهُ	إِضْرِبْهُ		
المخاطبة	ضَرَبْتِ	تَضْرِبِي	إِضْرِبِي		
المخاطبان	ضَرَبْتُمَا	تَضْرِبَانِ	إِضْرِبَاهُ		
المخاطبتان	ضَرَبْتُمَا	تَضْرِبَانِ	إِضْرِبَاهُ		
المخاطبون	ضَرَبْتُمُوهُ	تَضْرِبُونَهُ	إِضْرِبُوهُ		
المخاطبات	ضَرَبْتُنَّ	تَضْرِبْنَهُ	إِضْرِبْنَهُ		
المتكلم	ضَرَبْتُ	أَضْرِبُهُ			
المتكلمون	ضَرَبْنَا	نَضْرِبُهُ			

Таким образом, ученые, продолжавшие традиции Ибн Фархата, придерживались его методологического подхода, ориентированного на практическое применение грамматических знаний. В отличие от многократной переработки своих трудов, характерной для Ибн Фархата, аль-Бустани предлагал более рациональное решение: создание отдельного приложения “*taḍnīb*” для исправления допущенных ошибок. Этот подход демонстрирует эволюцию методов научной редакции в арабской грамматике [Buṭrus al-Bustānī 1854: 40–41].

Сравнение “*Miftāḥ al-miṣbāḥ*” с современными учебниками арабской грамматики позволяет обнаружить интересную деталь: отсутствие в таблице аль-Бустани отдельной формы для первого лица двойственного числа глагола. Этот факт может свидетельствовать о том, что именно аль-Бустани заложил основы современной традиции обозначения отсутствия этой формы с помощью черточки. Вот, к примеру, эта таблица [Buṭrus al-Bustānī, 1854: 40–41]:

Таблица 3

Спряжение глагола прошедшего времени в действительном залоге

الماضي المعلوم						
المؤنث	المذكر	المؤنث	المذكر	المؤنث	المذكر	
رَمَيْنَ	رَمَوْا	رَمَتَا	رَمَيَا	رَمَتْ	رَمَى	الغائب
رَمَيْنَنَّ	رَمَيْتُم	رَمَيْتُمَا		رَمَيْتِ	رَمَيْتَ	المخاطب
رَمَيْنَا		—		رَمَيْتُ		المتكلم

Продолжая традиции Ибн Фархата, автор предоставлял исчерпывающий обзор спряжения глаголов, охватывая все основные формы: прошедшее и будущее время, повелительное наклонение, причастия. Однако, в отличие от Ибн Фархата, он использовал инновационный подход, представляя эту информацию в виде таблиц. Такая визуализация значительно упрощает восприятие и запоминание грамматических конструкций [Buṭrus al-Bustānī, 1854: 34–37].

Если рассматривать деятельность Бутруса аль-Бустани через призму когнитивной лингвистики, его работы можно рассматривать как инструмент формирования ментальной модели языка у изучающего арабский язык. Использование таблиц спряжений, классификаций глаголов по количеству букв и систематизация морфологических правил помогают выстраивать структурированное представление о языке, облегчая обработку и запоминание информации.

Развитие дидактической терминологии в школьных грамматиках конца XIX — начала XX века

Другим источником является учебное пособие «Qawā'id al-luġa al-'arabiyya» («Правила арабского языка», далее — «Qawā'id»), предназначенного для учащихся средних школ. Этот труд, первоначально состоявший из двух отдельных книг — по грамматике и по риторике, был утверждён Министерством просвещения Египта в 1892 году. Авторы — выдающиеся лингвисты своего времени: Хифни Бек Насиф (1855–1919), Мухаммад Бек Диаб (1852–1921) и др. Их работа представляет собой не просто компиляцию существующих правил, а новаторское переосмысление грамматического материала, что проявляется как в структуре изложения, так и в терминологии.

Авторы другого грамматического источника «Qawā'id» используют альтернативную терминологию при описании категории склоняемых (*munṣarif*) и несклоняемых (*ġayr munṣarif*) имён. В отличие от традиционной грамматической практики, где закрепились именно эти термины, авторы заменяют их выражениями *munawwanin* («слова, оканчивающиеся на *tanwīn*») и *ġayr munawwanin* («слова, не оканчивающиеся на *tanwīn*») [Hifnī Bek Nāṣif, 1930: 53]. Подобная замена указывает на стремление сделать изложение более прозрачным и ориентированным на практическое восприятие: обращение к внешнему формальному признаку (наличие или отсутствие *tanwīn*) позволяет учащемуся быстрее и нагляднее определить, к какой категории относится конкретное имя.

Тем не менее при всём внимании к наглядности, авторы не отказываются полностью от традиционной терминологии. Так, на

более позднем этапе изложения они используют общепринятый термин *ğayr mutaşarrif* [Hifnī Bek Nāşif, 1930: 67]. Это свидетельствует о двойной стратегии: с одной стороны, они упрощают объяснение посредством опоры на внешние морфологические признаки, а с другой — сохраняют связь с классической грамматической традицией и её понятийным аппаратом.

Одним из несомненных новшеств исследуемого труда является введение авторами термина *mukabbar* в противопоставлении традиционному *muşagğar*. В их интерпретации имя делится на две категории: «увеличительное» (*mukabbar*) и «уменьшительное» (*muşagğar*). Под увеличительным понимается слово, сохраняющее свою исходную форму без морфологической модификации, например: *rajul* (мужчина) и *kitāb* (книга). Уменьшительное же определяется как слово, преобразованное в одну из уменьшительных форм — *fu‘ayl*, *fu‘ay‘il* или *fu‘ay‘īl*, что служит для выражения значения малости или незначительности предмета либо его ценности [Hifnī Bek Nāşif, 1930: 71]. Такая дифференциация демонстрирует стремление авторов расширить традиционный категориальный аппарат арабской морфологии посредством уточнённой терминологии.

Нововведением является также введение противопоставления *ğayr mansūb* наряду с *mansūb*. В рамках данной классификации имя подразделяется на относительное (*mansūb*) и неотносительное (*ğayr mansūb*). Относительное имя определяется как форма, к которой в конце добавлена буква *yā’* с удвоением (*šadda*), что указывает на принадлежность или связь с определённым объектом. Так, *mişrī* («египтянин») соотносится с *Mişr* (Египет), а *bağdādī* («багдадец») — с *Bağdād*. Неотносительное имя, напротив, не содержит данного аффикса, например: *Mişr* и *Bağdād* [Hifnī Bek Nāşif 1930: 83]. Данная классификация показывает системное стремление авторов к упорядочиванию грамматического материала и его терминологическому уточнению.

Таким образом, вариативность в употреблении терминов демонстрирует как дидактическую гибкость авторов, так и их стремление удержать баланс между новаторством в изложении и уважением к устоявшейся научной традиции.

Заслуживает внимания и использование терминов *muğarrad* и *mazīd* применительно к имени. Изначально эти термины закрепились за областью глагольных форм, где *muğarrad* обозначал «простую» форму, лишённую дополнительных морфем, а *mazīd* — производную форму с прибавленными аффиксами. Перенос этих терминов на сферу

имени демонстрирует стремление авторов к унификации грамматической терминологии и к системному описанию языка. Тем самым имя получает аналогичную стратификацию, что и глагол: оно может быть «простым» или «усложнённым» за счёт морфемных прибавлений. Такая параллельность в описании частей речи отражает более широкий теоретический замысел авторов: выстраивание симметричной грамматической модели, где категории имени и глагола описываются схожими средствами и на основе единой терминологической базы.

Особого внимания заслуживает трактовка местоимений, представленная в рассматриваемом труде, поскольку подобное системное и детализированное объяснение встречается крайне редко в последующих грамматических сочинениях. Авторы выстраивают классификацию местоимений в зависимости от их синтаксической роли, что демонстрирует не только внимательность к морфологической стороне языка, но и глубокое понимание взаимодействия морфологии и синтаксиса [Ḥifnī Bek Nāṣif, 1930: 49].

Подобная трактовка местоименной системы демонстрирует, что авторы стремились к новому осмыслению грамматического материала. Их цель заключалась не просто в воспроизведении традиционных определений, но и в адаптации их к практическим нуждам читателя, прежде всего учащегося. Чёткая систематизация, увязанная с синтаксическими функциями местоимений, позволяет значительно облегчить процесс усвоения материала и свидетельствует о высоком дидактическом уровне сочинения. Несомненно, подобная классификация является одним из наиболее удачных примеров переосмысления классической арабской грамматики и её представления в максимально ясной и удобной для восприятия форме [Ḥifnī Bek Nāṣif, 1930: 49].

Примечательно, что в исследуемом труде встречаются также исправления и уточнения традиционных грамматических положений. Так, обсуждая вопрос добавления определённого артикля *al*, авторы особо подчеркивают исключения, связанные с антропонимами. В частности, они отмечают, что артикль не прибавляется к именам собственным, таким как *Maḥmūd* и *Muḥammad* [Ḥifnī Bek Nāṣif, 1930: 52].

Данное уточнение имеет принципиальное значение, так как демонстрирует внимательное отношение авторов к узусным особенностям арабского языка. В арабской грамматической традиции артикль *аль*- рассматривается как универсальное средство выражения

определенности, однако его употребление в антропонимах подчиняется особым ограничениям. Фиксация этих исключений в учебном тексте свидетельствует о стремлении авторов не только передать общее правило, но и обратить внимание учащегося на реальные языковые ограничения, что делает изложение материала более точным и приближенным к живой практике языка.

Таким образом, подобные «исправления», или уточнения, можно рассматривать как проявление критического отношения к традиционной грамматической системе и одновременно как попытку адаптировать её для исследовательских целей.

Заключение

Проведенное исследование показало, что реформирование арабской грамматической традиции в эпоху Nahḍa не сопровождалось отказом от классического наследия, а представляло собой его последовательную модернизацию в соответствии с новыми образовательными и общественными потребностями XIX века. Анализ трудов Насифа Йазиджи, Рифа аль-Тахтави, Бутруса аль-Бустани и авторов учебника *Qawā'id al-luġa al-'arabiyya* свидетельствует о сохранении фундаментальных положений классической арабской грамматики при одновременном существенном изменении способов организации и представления грамматического знания. Установлено, что одной из важнейших особенностей исследуемых сочинений становится переход от преимущественно линейного текстового описания к более структурированной модели изложения, основанной на классификациях, таблицах и визуальном представлении языкового материала. Подобная организация облегчала восприятие сложных морфологических и синтаксических закономерностей, снижала когнитивную нагрузку на обучающегося и способствовала формированию целостной системы представлений о грамматическом строе арабского языка.

Исследование также показало, что грамматисты эпохи Nahḍa активно переосмысливали традиционный понятийный аппарат. Введение новых терминов, уточнение существующих категорий, разработка альтернативных классификаций и стремление опираться на функционально значимые признаки отражают переход к более аналитическому и дидактически ориентированному описанию языка. При этом нововведения не разрушали классическую систему, а дополняли ее, делая грамматическое описание более

последовательным, доступным и пригодным для практического обучения.

Применение когнитивно-лингвистического подхода позволило интерпретировать выявленные изменения не только как методические приемы, но и как проявление более глубоких механизмов организации знания. Использование принципов категоризации, прототипичности, когнитивной экономии, визуального структурирования и концептуального моделирования свидетельствует о том, что реформаторы XIX века интуитивно реализовали многие стратегии, которые получили теоретическое обоснование лишь в современной когнитивной лингвистике.

Таким образом, грамматические труды эпохи Nahḍa следует рассматривать не только как этап обновления арабской грамматической традиции, но и как важный этап формирования новых способов репрезентации научного знания. Их значение заключается не столько в пересмотре самих грамматических правил, сколько в создании новой модели организации, систематизации и передачи языкового знания, оказавшей заметное влияние на дальнейшее развитие арабской лингводидактики и учебной грамматической литературы.

Использованная литература

Abbūd L. Nāṣif Yāzījī fī isti‘ādat al-‘arabiyya wa ‘ādābiha // al-‘Arabiyya al-ḡadīda. 25 March 2020. — URL: <https://www.alaraby.co.uk/>

Aḥmad Fāris al-Šidyāq. Ġunyat aṭ-ṭālib wa-munyat ar-rāḡib: Durūs fī aṣ-ṣarf wa-an-naḥw wa-ḥurūf al-ma‘ānī. Sūsa: Dār al-Ma‘ārif li-ṭ-Ṭibā‘a wa-an-Našr, Tunis.

al-Ṭaḥṭawī, Rifā‘a Rāfi‘. At-Tuḥfa al-maktabiyya li-taqrīb al-luḡa al-‘arabiyya. — Al-Qāhira: Al-Maṭba‘a al-Amīriyya, 1869.

Buṭrus al-Bustānī. Miftāḥ al-miṣbāḥ fī aṣ-ṣarf wa-an-naḥw. Bairūt, 1854.

Buṭrus al-Bustānī. Miftāḥ al-miṣbāḥ fī aṣ-ṣarf wa-an-naḥw. Bairūt, 1862.

Buṭrus al-Bustānī. Miftāḥ al-miṣbāḥ fī aṣ-ṣarf wa-an-naḥw. Bairūt, 1890.

Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2001.

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. London: Routledge, 2006.

Ḥifnī Bek Nāṣif, Muḥammad Bek Diyāb, aš-Šaiḥ Muṣṭafā Ṭammūm, Maḥmūd Afandī ‘Umar, Sultān Bek Muḥammad. Qawā‘id al-luġa al-‘arabiyya li-talāmīd al-madāris at-tānawīyya. Al-Qāhira, 1930.

Ibn Farhāt. Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib. Handschrift der Bibliothek der Universität Heiliger Geist in Kaslik (Libanon). Inv.-Nr. 146. — URL: <https://www.loc.gov/collections/world-digital-library/about-this-collection/>

Ibn Farhāt. Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib. Handschrift der Bibliothek des Ordens der Basilianer von Aleppo, Scharfeh (Libanon). Inv.-Nr. 1025. — URL: <https://w3id.org/vhmdl/readingRoom/view/506071>.

Ibn Farhāt. Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib. Handschrift in der Sammlung der Nationalbibliothek von Israel in Jerusalem. Inv.-Nr. 397. Bl. 1b–105a. — URL: [https://www.nli.org.il/ar/manuscripts/NNL_ALEPH003366587/NLI#\\$FL144668385/](https://www.nli.org.il/ar/manuscripts/NNL_ALEPH003366587/NLI#$FL144668385/)

Ибрагимов Н., Юсупов М. Араб тили грамматикаси. Т. 1. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси давлат миллий нашриёти, 1998.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Nāṣif al-Yāziġī. Kitāb Faṣl al-ḥiṭāb fī uṣūl luġat al-i‘rāb. — Bairūt, 1866.

Sa‘īd ibn Ḥalfān al-Ḥalīlī. At-Taisīr fī šai’ min aš-ṣarf al-yaṣīr. Handschrift in der Sammlung von Šaiḥ Aḥmad ibn Muḥammad ibn ‘Īsā al-Ḥarūṣī, Kābil, Sultanat Oman, Inv.-Nr. 9. — URL: https://maqsurah.com/home/item_detail/88771

Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Wright W. A Grammar of the Arabic Language (translated from the German of Caspari). Cambridge: Cambridge University Press, 1896.

References

al-Bustānī, B. (1854). *Miftāḥ al-miṣbāḥ fī aš-ṣarf wa-an-naḥw* [The key to the lamp on morphology and syntax].

al-Bustānī, B. (1862). *Miftāḥ al-miṣbāḥ fī aš-ṣarf wa-an-naḥw* [The key to the lamp on morphology and syntax].

al-Bustānī, B. (1890). *Miftāḥ al-miṣbāḥ fī aṣ-ṣarf wa-an-naḥw* [The key to the lamp on morphology and syntax].

al-Šidyāq, A. F. (n.d.). *Ġunyāt at-tālib wa-munyat ar-rāḡib: Durūs fī aṣ-ṣarf wa-an-naḥw wa-ḥurūf al-maʿānī* [The student's wealth and the aspirant's desire: Lessons in morphology, syntax, and particles of meaning]. Dār al-Maʿārif li-ṭ-Ṭibāʿa wa-an-Našr.

al-Ṭaḥṭāwī, R. R. (1869). *At-Tuḥfa al-maktabiyya li-taqrīb al-luġa al-ʿarabiyya* [The school gift for facilitating the Arabic language]. Al-Maṭbaʿa al-Amīriyya.

Evans, V., & Green, M. (2006). *Cognitive linguistics: An introduction*. Routledge.

Farhāt, I. (n.d.-a). *Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib* [The pursuit of objectives and encouragement of the seeker] [Manuscript, Library of the Order of the Basilian Aleppines, Sharfeh, Lebanon, Inv. No. 1025]. [Virtual Hill Museum & Manuscript Library](#)

Farhāt, I. (n.d.-b). *Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib* [The pursuit of objectives and encouragement of the seeker] [Manuscript, National Library of Israel, Jerusalem, Inv. No. 397, fols. 1b–105a]. [National Library of Israel manuscript](#)

Farhāt, I. (n.d.-c). *Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib* [The pursuit of objectives and encouragement of the seeker] [Manuscript, Library of the University of the Holy Spirit of Kaslik, Lebanon, Inv. No. 146]. [World Digital Library manuscript](#)

Grandé, B. M. (2001). *Kurs arabskoy grammatiki v sravnitel'no-istoricheskoy osveshchenii* [A course of Arabic grammar in comparative-historical perspective] (2nd ed.). Vostochnaya literatura.

Ibragimov, N., & Yusupov, M. (1998). *Arab tili grammatikasi* [Arabic grammar] (Vol. 1). Oʻzbekiston Milliy Ensiklopediyasi Davlat Milliy Nashriyoti.

Ibn Farhāt. (n.d.). *Baḥṭ al-maṭālib wa-ḥaṭṭ at-tālib* [The pursuit of objectives and encouragement of the seeker].

Langacker, R. W. (1987). *Foundations of cognitive grammar: Vol. I. Theoretical prerequisites*. Stanford University Press.

Langacker, R. W. (1991). *Foundations of cognitive grammar: Vol. II. Descriptive application*. Stanford University Press.

Nāṣīf, A. L. (2020, March 25). Yāzījī fī isti‘ādat al-‘arabiyya wa-‘ādābihā [Yaziji on restoring Arabic and its literature]. *Al-‘Arabiyya al-ğadīda*. [Al-Araby Al-Jadeed](#)

Nāṣīf, H. B., Diyāb, M. B., Ṭammūm, M. M., ‘Umar, M. A., & Muḥammad, S. B. (1930). *Qawā‘id al-luġa al-‘arabiyya li-talāmīd al-madāris at-tānawiyya* [Rules of the Arabic language for secondary school students].

al-Yāziġī, N. (1866). *Kitāb Faṣl al-ḥiṭāb fī uṣūl luġat al-i‘rāb* [The book of decisive discourse on the principles of the language of grammatical inflection].

al-Ḥalīlī, S. ibn Ḥ. (n.d.). *At-Taisīr fī ṣai‘ min aṣ-ṣarf al-yasīr* [Facilitation in some aspects of easy morphology] [Manuscript in the collection of Šaiḥ Aḥmad ibn Muḥammad ibn ‘Īsā al-Ḥarūṣī, Kabul, Sultanate of Oman, Inv. No. 9]. [Maqsurah manuscript collection](#)

Tomasello, M. (2003). *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*. Harvard University Press.

Wright, W. (1896). *A grammar of the Arabic language* (Translated from the German of Caspari). Cambridge University Press.